

АМБЕР
ШЕЙД

Владыки
Ночи

Том I

18+

Амбер Шейд

Том I. Владыки Ночи

<https://litres.ru/74616844>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настоящий труд посвящён происхождению вампирского рода — от сотворения Первородных до установления законов, определивших судьбу их потомков. Здесь изложены обстоятельства их появления, годы разобщённого существования, история становления Союза и зарождение обрядов, позволивших бессмертным передавать свою природу смертным.

Они возникли не по воле случая и не вследствие проклятия, как утверждают некоторые человеческие предания. Их появление было частью замысла, истоки которого лежат за пределами доступной смертным истории. Память о первых столетиях сохранилась лишь в разрозненных свидетельствах и легендах, искажённых временем, суевериями и человеческим страхом. Настоящее повествование призвано сохранить то, чему не нашлось места в этих преданиях.

Содержание

Предисловие	4
Глава I. Истоки Ночи	6

Амбер Шейд

Том I. Владыки Ночи

Предисловие

Сие писание не принадлежит миру смертных. Оно не создавалось ради удовлетворения праздного любопытства, равно как и не преследовало цели развеять людские заблуждения. Знания, заключённые в нём, слишком долго оставались сокрытыми, чтобы теперь безнаказанно переходить из рук в руки. И всё же, если эти страницы оказались перед тобой, значит, обстоятельства сложились вопреки намерениям того, кто их сохранил.

Не всякая тайна опасна тем, что может поведать. Иные таят угрозу уже в самом прикосновении к ним. Смертные привыкли считать написанное безмолвным и неподвижным, полагая, будто прочитанные слова остаются лишь в памяти. Но существуют письма, которым не требуется ни голос, ни обряд, чтобы исполнить заключённую в них волю. Они сохраняют не только изложенное знание, но и след того, кто осмелился его постичь.

Посему не следует искать здесь утешения, обещания могущества или наставлений, способных возвысить человека над собственной природой. Перед тобой не собрание зани-

мательных сказаний о ночных созданиях, но свидетельство об их происхождении, деяниях и законах. Не всякая истина заслуживает огласки, и не каждому дозволено распоряжаться ею по своему усмотрению.

Если благоразумие ещё способно удержать твою руку, закрой эту книгу и не возвращайся к ней. Не пытайся отыскать упомянутые здесь места, не произноси без необходимости имён, которые встретишь на последующих страницах. Оставь изложенное тем, кому оно принадлежит по праву, и позволь минувшему остаться погребённым под тяжестью веков.

Однако не обольщайся мыслью, будто отступление способно обратить время вспять. Можно уничтожить рукопись, забыть прочитанные слова и отречься от их истинности. Нельзя лишь сделать непрочитанным то, что однажды предстало перед глазами.

Отныне тени, что дремали в забвении, обратят на тебя свой взор. Если твой разум дрогнет, если душа твоя ослабнет под тяжестью неведомого, знай - ты был предупрежден. Отныне и вовек ночи твои не будут безмятежны.

Глава I. Истоки Ночи

Когда мир ещё был юн, а Тьма лишь начинала простирать свои покровы над землёй, Богиня Ночи сотворила Семерых — существ, которым предстояло положить начало роду, неподвластному ни времени, ни законам смертной плоти.

Не было в их появлении ни случайности, ни проклятия, ни вмешательства сил, стремившихся возратить усопших к жизни. Они не знали человеческого рождения и не ведали смерти, от которой надлежало пробудиться, ибо сама Богиня даровала им существование, обратив собственную волю в плоть и наделив каждого природой, не имевшей подобия среди известных смертным созданий. Мир простирался перед ними необъятным и неизведанным, а их собственная природа оставалась загадкой, ответы на которую не могли дать ни смертные, ни минувшие века.

Огонь положил начало первому из них, и из углей древнего пожара, некогда пожравшего целую эпоху, восстал Агний. В его жилах навеки сохранился жар того пламени, а в самой природе — неутолимая жажда, что заставляет огонь тянуться ко всему, чего ещё не коснулись его языки. Он был воплощением всепоглощающей страсти, желания, которому неведомы ни пресыщение, ни благоразумные пределы. В его облике соединились неукротимая сила созидания и беспо-

щадная сущность разрушения, ибо пламя, способное согреть замерзающего путника, столь же легко обращает в пепел его последнее пристанище.

В присутствии Агния смертные нередко утрачивали власть над собственными желаниями. Его взгляд притягивал их, подобно тому как хрупких ночных мотыльков влечёт к себе пламя одинокой свечи, а стоило ему заговорить, как даже самые осторожные начинали внимать его словам с болезненным упоением, забывая о страхе и прежних намерениях. Он не нуждался в открытом принуждении, ибо умел пробуждать в чужой душе стремления, прежде сокрытые столь глубоко, что сам человек едва подозревал об их существовании. Желания эти разгорались постепенно, пока не обращались в неодолимую потребность приблизиться к тому, кто стал их причиной.

Однако власть над чужими страстями не избавляла Агния от собственных. Всё, что привлекало его внимание, рано или поздно становилось предметом неудержимого стремления к обладанию, будь то редкая красота, чужое расположение или мимолётное удовольствие, обещавшее хотя бы на краткий миг утолить неизбывную жажду. Наслаждение, которое он даровал, могло обратиться мучительной зависимостью, а тот, кто однажды поддался его обаянию, нередко обнаруживал, что прежняя жизнь утратила для него всякую привлекательность. Такова была природа Агния: он умел разжигать огонь даже там, где прежде не тлело ни единой искры, но

редко заботился о том, что останется, когда пламя поглотит всё, до чего сумеет дотянуться.

Цифион, явившийся миру вслед за Агнием, был сотворён из лёгкого птичьего пуха, столь невесомого, что малейшее дуновение ветра могло унести его далеко от земли. Подобно сему неприметному творению природы, он не ведал стремления к ожесточённой борьбе, не искал превосходства над окружающими и тяготился всяким делом, требовавшим продолжительных усилий. Там, где другие находили повод проявить собственную волю, Цифион предпочитал оставаться безучастным наблюдателем, позволяя событиям идти своим чередом. Не было в нём ни пылкости Агния, ни желания непременно оставить след в судьбах смертных, ибо существование само по себе представлялось ему достаточным благом, чтобы не отягощать его бесконечными стремлениями.

Однако было бы неверно принимать подобную беспечность за бессилие или скудость ума. Его спокойствие напоминало неподвижные воды глубокого озера, чья поверхность способна оставаться безмятежной даже тогда, когда в сокрытых от взора глубинах продолжается неведомая жизнь. Цифион редко обнаруживал свои намерения прежде, чем возникала необходимость действовать, и не имел привычки растрачивать силы на доказательство собственного могущества. Он умел подолгу пребывать в неподвижности, прислушиваясь к едва уловимым переменам окружающего мира, а пото-

му замечал порою то, что ускользало от существ куда более деятельных и внимательных к собственным заботам.

Особенным даром, полученным им при сотворении, стала способность принимать обличья различных зверей и птиц. Там, где смертному требовались хитрость, укрытие или долгие приготовления, Цифиону было достаточно изменить свою телесную оболочку, чтобы исчезнуть от человеческого взора, затерявшись среди обитателей лесов и поселений. Он мог обратиться волком, неприметно скользящим меж деревьев, совой, чей полёт почти не тревожит ночного воздуха, или кошкой, способной находить пристанище там, куда человеку вход был бы воспрещён. В каждом из этих обликов сохранялось его собственное сознание, но вместе с иной плотью он обретал свободу от многих неудобств, которыми сопровождалось существование в привычном обличье.

Так Цифион находил покой в постоянном уклонении от суеты, не стремясь подчинить себе окружающий мир и довольствуясь возможностью оставаться вне его забот. Но даже столь безмятежная натура не была избавлена от противоречий, ибо желание избежать всякого беспокойства порою становилось для него сильнее благоразумия, побуждая отстраняться даже от тех обстоятельств, которые требовали немедленного решения.

Холодная сталь, выточенная до смертоносной остроты, послужила основой Эрнеста, третьего из творений Богини. В отличие от пламени, что стремится поглотить всё окружа-

ющее, металл хранит в себе силу неподвижную, не обнаруживающую истинного предназначения до той поры, пока не окажется в руке того, кто сумеет ею распорядиться. Такова была и природа Эрнеста, чьё внешнее спокойствие скрывало гнев, столь глубокий и непреклонный, что перед ним могли отступить даже могущественные создания Ночи.

Он не принадлежал к числу существ, для которых ярость становится первым ответом на нанесённое оскорбление. Напротив, Эрнест обладал редкой способностью сохранять рассудок там, где прочие уже поддавались раздражению, и выжидать до тех пор, пока обстоятельства не требовали решительного вмешательства. Подобное самообладание могло внушить ложную уверенность тому, кто принимал его молчание за снисходительность, ибо за спокойным взором нередко скрывалась воля, не терпевшая посягательств на собственные убеждения. Стоило переступить незримую границу его терпения, как сдерживаемый гнев обращался в силу беспощадную, лишённую суетливости и потому ещё более опасную.

И всё же не одна суровость определяла его нрав. Эрнест был способен на верность, которой не могли поколебать ни течение веков, ни переменчивость чужих обстоятельств, и тот, кого он признавал достойным своего покровительства, обретал в нём защитника столь же надёжного, сколь неумолимого к недругам. Он не разбрасывался обещаниями и не искал расположения посредством лести, предпочитая под-

тверждать свои намерения поступками. Оттого уважение, которым он впоследствии пользовался среди собратьев, возникло не из одного лишь страха перед его могуществом, но и из уверенности, что однажды принятое им решение не будет отвергнуто по прихоти или минутной слабости.

Однако и в подобной стойкости заключалась опасность, ибо непреклонность, дарующая силу убеждениям, способна обратиться жестокостью, когда разум отказывается признать возможность собственной ошибки. Эрнест мог направить гнев во имя защиты, но это не освобождало его от самой природы гнева, требовавшей постоянного обуздания. И чем дороже становилось ему то, что он стремился сохранить, тем страшнее оказывалась сила, с которой он был готов отстаивать избранное.

Четвёртое творение Богини явилось из хрупкого осколка зеркала, в ту древнюю пору ещё неведомого смертным и доступного лишь высшим созданиям. Из холодной отражающей поверхности возникла Альма, чья красота превосходила всё, чему впоследствии люди пытались найти подобие в собственных преданиях. Её облик соединял в себе величественное совершенство и недостигаемость, заставлявшие окружающих испытывать одновременно восхищение и невольную робость. Но прекрасная внешность была лишь наиболее очевидным проявлением её сущности, ибо куда глубже в ней укоренилось убеждение в собственном превосходстве, не нуждавшееся ни в доказательствах, ни в чужом

признании.

Альма не стремилась заслужить положение, которое считала принадлежащим ей по праву самого существования. Она умела повелевать с непринуждённостью той, кому никогда не приходилось сомневаться в собственной власти, и требовала от окружающих почтения, соответствующего их месту перед нею. Вместе с тем её гордость не исключала великодушия: благосклонность Альмы могла возвысить избранного до положения, о котором тот прежде не смел помышлять, а её покровительство нередко становилось наградой за верность и выдающиеся заслуги. Но горе ожидало того, кто принимал подобную милость за проявление слабости, ибо нанесённое её достоинству оскорбление редко оставалось без ответа.

Ещё при своём сотворении, впервые увидев собственный лик в осколках зеркала, Альма оказалась столь очарована открывшимся совершенством, что возжелала сохранить сию привилегию исключительно за собой. Ей казалась невыносимой сама мысль о том, что иные создания Ночи смогут подобным образом созерцать собственные образы, находя в них достоинства, достойные восхищения. Не желая делить с собратьями то, что она уже почитала своим исключительным правом, Альма обратилась к Создательнице с просьбой лишить их отражений, оставив сей дар одной лишь ей.

Богиня вняла желанию своего творения, и отныне зеркала перестали возвращать образы прочих вампиров, тогда как

прекрасный лик Альмы по-прежнему возникал на гладкой поверхности, стоило ей обратить к ней взор. Так мимолётная прихоть одной из Первородных стала неизменным свойством целого рода, а сама Альма обрела ещё одно свидетельство собственной исключительности. Было ли исполнение столь тщеславной просьбы проявлением материнской благосклонности или Создательница усмотрела в ней нечто забавное, осталось ведомо лишь ей самой.

Из обломков чёрного обсидиана, некогда рождённого в недрах раскалённой земли и застывшего под холодным дыханием мира, Богиня сотворила Гримвальда. Тёмное стекло, непроглядное в своей глубине и острое на изломе, как нельзя лучше соответствовало его облику, исполненному холодной сдержанности и молчаливой настороженности. Он не стремился производить впечатление, не искал чужого расположения и редко позволял окружающим проникнуть за покров невозмутимости, скрывавший его истинные помыслы.

О Гримвальде трудно было судить по одним лишь поступкам, ибо даже наиболее очевидные из них не всегда обнаруживали причины, которыми он руководствовался. Его внимание могло надолго задержаться на обстоятельствах, казавшихся другим ничтожными, а интерес к чужим делам редко сопровождался объяснениями. Особенное место в его природе занимали тени, послушные его воле и способные проникать туда, где самому ему не было нужды появляться. Далеко не всякий, полагавший себя скрытым от постороннего

взора, действительно пребывавал в одиночестве, но сколь многое было известно самому Гримвальду, оставалось предметом догадок даже для тех, кто позднее именовал его своим братом.

Алые розы, чьи нежные лепестки скрывают под собою острые шипы, послужили началом Альваро, шестого из бессмертных творений Богини. Красота его не уступала изысканности самого цветка, а природная чувственность находила выражение во всём, к чему он обращал своё внимание. Его не удовлетворяло одно лишь обладание желаемым, ибо истинное наслаждение он находил в способности ощутить каждую грань удовольствия, растянуть мимолётное мгновение и превратить даже простейшее занятие в искусство, достойное долгого совершенствования.

Альваро обладал редким умением располагать к себе окружающих, пробуждая в них желания, о существовании которых они прежде могли и не подозревать. Его речи были исполнены мягкой убедительности, а манеры — той непринуждённой изысканности, которая позволяет склонить собеседника к откровенности, не прибегая ни к угрозам, ни к обману. Он умел находить удовольствие в музыке, красоте убранства, тонкости беседы и чувственном очаровании земных созданий, не пренебрегая даже теми наслаждениями, что смертные почитали слишком обыденными для внимания бессмертного. Всякое общество, в котором появлялся Альваро, рано или поздно начинало поддаваться его склонности

обращать привычное существование в нескончаемое празднество.

Однако за его утончённостью скрывалась ненасытность, не ведавшая ни меры, ни окончательного удовлетворения. Всякое удовольствие, однажды испробованное, пробуждало в Альваро желание вновь испытать его, отыскать более совершенную форму или превзойти пережитое прежде. Он не довольствовался кратким мигом наслаждения, стремясь продлить его до тех пор, пока чувства не притуплялись от избытка впечатлений, но и тогда не отступал, обращая внимание к новым предметам своего восхищения. Там, где смертный рано или поздно встречал предел, положенный краткостью собственной жизни, Альваро располагал вечностью, достаточной для того, чтобы всякое желание сменялось следующим, не позволяя душе обрести продолжительный покой.

Последнее из семи творений Богини было соткано из тончайшего шёлка, столь невесомого и драгоценного, что сама его природа, казалось, не предназначалась для прикосновений грубых смертных рук. Так явился миру Ясмин, в чьём облике изысканность соединялась с неудержимым стремлением обладать всем, что представлялось ему достойным восхищения. Его взор жадно задерживался на драгоценных камнях, благородных металлах, редчайших тканях и предметах, созданных с необычайным искусством, но даже величайшие сокровища не могли надолго утолить его желаний. Стоило одной драгоценности оказаться в его владении, как прежний

восторг угасал, уступая место стремлению отыскать нечто ещё более редкое и недоступное.

Куда большую ценность представляла для него сама возможность присвоить то, что оставалось недостижимым для других. Ямин желал обладать не только богатствами, которые можно приобрести или выменять, но и землями, властью, чужим восхищением и преданностью существ, чьи достоинства привлекали его внимание. Он умел распознавать исключительные дарования и высоко ценил тех, кто был наделён редкими способностями, острым разумом или необычайной красотой. Благосклонность Ямина могла возвысить избранного, открыв перед ним двери, навсегда закрытые для большинства, но щедрость его редко бывала свободна от желания сохранить власть над тем, кому предназначались столь великолепные дары.

Алчность Ямина не знала пределов, и вскоре ему стало недостаточно даже тех несметных богатств, которыми он мог окружить себя по собственной воле. Воззвав к Создательнице, он возжелал обрести такую власть, чтобы всякий предмет, на который падёт его взор, мог стать его собственностью. Он не просил мудрости, не стремился познать истинные пределы дарованного бессмертия и не задумывался о последствиях столь безмерного желания. Ямин хотел обладать всем, и даже сама мысль о существовании чего-либо ему неподвластного казалась невыносимым оскорблением.

Богиня выслушала своё творение, не обнаружив ни гнева,

ни неодобрения, и исполнила его желание способом, достойным её непостижимой воли. Она наделила руки Ясмина силой обращать всё, чего коснётся его обнажённая кожа, в чистейшее золото, лишив тем самым возможности сохранить прежний облик любого предмета, к которому он прикоснётся. Отныне драгоценный металл повиновался ему безоговорочно, возникая там, где прежде были дерево, камень, ткань или живая плоть. Не существовало богатства, которое могло бы сравниться с подобным даром, однако вскоре Ясмин обнаружил, что владеет могуществом, способным лишить его всего, к чему он действительно стремился.

Первоначальный восторг сменился смятением, когда под его пальцами нежные лепестки цветка обратились в неподвижные золотые пластины, утратив и мягкость, и живое благоухание. Шёлк, из которого некогда была сотворена сама его плоть, более не мог коснуться обнажённой руки, не лишившись своей податливости, а всякая попытка приблизиться к живому существу грозила обратить желанное прикосновение в непоправимую утрату. Ясмин мог наполнить золотом несметные сокровищницы, но не имел более права без опасения взять в ладони даже самую хрупкую из земных драгоценностей. Мир, который он возжелал присвоить, сделался недоступным для него самого, и лишь тогда бессмертный постиг жестокость исполненного желания.

Охваченный ужасом, Ясмин вновь обратился к Богине, моля освободить его от дара, который столь недавно выпра-

шивал с ненасытной жадностью. Он раскаивался в собственной дерзости, отрекался от прежних притязаний и клялся впредь довольствоваться тем, что уже принадлежало ему, лишь бы вернуть утраченную возможность касаться окружающего мира. Но Создательница не спешила принимать его раскаяние, ибо в мольбах бессмертного находила немалое удовольствие. Тот, кто ещё недавно желал обратить весь мир в собственное достояние, теперь со страхом взирал на свои руки, страшась даже нечаянного движения.

Богиня, словно желая продлить насмешку над его прежней самонадеянностью, даровала ему пару белоснежных перчаток, не подчинявшихся золотому прикосновению. Сквозь тончайшую ткань он мог вновь касаться предметов и живых существ, не опасаясь обратить их в безжизненный металл, однако стоило обнажить хотя бы кончики пальцев, как прежняя сила возвращалась во всём своём беспощадном могуществе.

С той поры белоснежные перчатки стали неотъемлемой частью облика Ясмина, скрывая руки, которым было дозволено творить несметные сокровища, но запрещено безнаказанно прикасаться к миру. Они ограждали окружающих от его пагубного дара и вместе с тем служили вечным напоминанием о том, сколь обманчивой бывает милость высших сил. Богиня не отняла у Ясмина желанного могущества, ибо обещание своё исполнила в полной мере, но оставила ему лишь возможность научиться жить с последствиями соб-

ственного желания.

Сотворением Ясмина завершилось явление Семерых, которым предстояло положить начало вампирскому роду. Каждый обладал собственным могуществом, сокрытым в природе столь же необычной, сколь и непостижимой для смертных, но ни один не получил власти над всеми проявлениями своего существования. Богиня одарила их силой, способной преодолеть многие пределы человеческой плоти, однако вместе с тем оставила каждому особенности, которые невозможно было отвергнуть по собственной воле. И потому бессмертие не избавляло их от противоречий, сомнений и желаний, нередко становившихся причиной величайших несчастий.

Но было бы заблуждением полагать, будто общее происхождение с первых мгновений связало Первородных узами братства. В ту пору ещё не существовало ни Союза, ни законов, ни самого представления о роде, который однажды распространится далеко за пределы семи первоначальных творений. Мир был велик, а каждый из них вступил в него, не обладая ни наставником, способным разъяснить природу дарованных сил, ни знанием о том, что где-то среди необъятных земель могут обитать существа, подобные ему самому.

Долгие века их существование оставалось разобщённым, и лишь постепенно среди человеческих преданий начали возникать смутные свидетельства о созданиях, не подверженных старению и обладающих властью, которой не мог-

ли объяснить ни жрецы, ни мудрецы своего времени. Одни принимали их за божества, другие — за демонов, посланных терзать мир смертных, но никто не располагал знаниями, достаточными для постижения их истинного происхождения. Сами Первородные также не сразу приблизились к пониманию собственной природы, ибо божественное сотворение ещё не означало обладания мудростью, необходимой для осознания дарованного бессмертия.

Пройдут столетия, прежде чем их разобщённые пути начнут сходиться и обнаружится возможность существования, отличного от бесконечных одиноких странствий. Лишь тогда Семеро узнают друг в друге создания одной природы, а из встреч, первоначально казавшихся случайными, возникнет союз, которому суждено будет изменить судьбу всего вампирского рода.